

Введение

В сборнике публикуются тексты докладов, заслушанных на II международном конгрессе петровских городов. Конгресс, прошедший в Санкт-Петербурге 9–11 июня 2010 г., был посвящён широкой теме: «Культурные инициативы Петра Великого и современная Россия».

Торжественное открытие Конгресса состоялось в атриуме Комendantского дома Петропавловской крепости (Государственный музей истории Санкт-Петербурга) 9 июня 2010 г. — в День рождения Петра I, который объявлен в Санкт-Петербурге городским праздником.

Работа Конгресса была посвящена анализу историко-культурной значимости петровских начинаний для развития больших и малых российских городов, в том числе — в контексте взаимодействия России с европейским миром. Обсуждался широкий круг вопросов, связанных с петровскими инициативами в сфере гуманитарной культуры, ибо общепризнано значение царя-реформатора и его многочисленных начинаний для судеб русской культуры, для её развития в последующие века.

В работе Конгресса, который носил междисциплинарный характер, приняли участие более 150 человек — историки, искусствоведы, философы, филологи, краеведы, археологи и другие специалисты.

География участников форума широка. Кроме Санкт-Петербурга и Москвы, были представлены Азов, Александров, Архангельск, Боровичи, Владимир, Воронеж, Выборг, Касимов, Коломна, Лодейное поле, Лосино-Петровский, Муром, Недвиговка, Переславль-Залесский, Петрозаводск, Псков, Рязань, Саратов, Смоленск, Соловки, Тихвин, а также города западноевропейских государств — Австрии, Бельгии, Великобритании, Голландии, Франции.

На Конгрессе выступили 58 докладчиков. Однако из-за ограниченного объёма издания составители не смогли включить в сбор-

ник все представленные тексты. Публикуются 33 статьи, подготовленные на основе прозвучавших докладов и носящие исследовательский характер. Тексты информационных выступлений, дискуссий о современных проблемах петровских городов, публицистические и полемические сообщения, а также работы, значительная часть которых опубликована ранее, в сборник не вошли.

Ежегодные конгрессы петровских городов проводятся в рамках российской программы «Путь Петра Великого», инициированной писателем Даниилом Граниным. Программа направлена на культурную интеграцию российских городов, которые обязаны своим основанием Петру I и его сподвижникам или исторически связаны с их деятельностью.

I (учредительный) конгресс петровских городов прошёл в мае 2009 г. в Санкт-Петербурге и дал толчок широкому распространению петровской программы по регионам России. Идея программы вызвала подлинный энтузиазм у множества людей разных профессий в самых разных уголках страны.

Проведение первого конгресса стимулировало создание под эгидой Правительства Санкт-Петербурга Института Петра Великого. Цель этого научно-просветительского учреждения — изучение и пропаганда в сферах культуры и образования наследия Петра Великого, понимаемого ныне как европейский выбор России, приверженность началам европейского просвещения и культурной общности при сохранении национального своеобразия России как великого государства.

Днём рождения Института Петра Великого считается 24 февраля 2010 г., когда в Меншиковском дворце (Государственный Эрмитаж) состоялась публичная презентация его программ. Институт осуществляет широкий круг российских и международных программ и проектов:

- ♦ Ежегодное проведение конгрессов петровских городов
- ♦ Участие в организации ежегодного празднования в Санкт-Петербурге Дня рождения Петра, разработка специального церемониала
- ♦ Составление свода исторических и мемориальных памятников России и Европы, связанных с именем Петра Великого и его сподвижников
- ♦ Содействие мемориализации и музеефикации культурного и исторического наследия, связанного с деятельностью Петра I и его сподвижников
- ♦ Подготовка и издание научных, справочных, популярных книг о петровской эпохе
- ♦ Подготовка библиографии трудов о Петре Великом
- ♦ Организация передвижных выставок, посвящённых истории петровских городов, деятельности Петра Великого и его сподвижников
- ♦ Создание документальных фильмов о петровских городах и петровской эпохе
- ♦ Сотрудничество с европейскими учреждениями и организациями, занимающимися изучением и пропагандой петровского наследия и петровской эпохи.

8–10 июня 2011 г. в Санкт-Петербурге будет проходить III международный конгресс петровских городов. Его тема — «Петровские реликвии в собраниях России и Европы». Одна из его задач — обсудить с музейным сообществом идею, выдвинутую директором Государственного Эрмитажа М.Б. Пиотровским, по созданию общего свода петровских реликвий, хранящихся в музеях России.

Е.В. Анисимов (Санкт-Петербург)
Главный научный сотрудник
Санкт-Петербургского института истории РАН,
научный руководитель Института Петра Великого

Пётр Великий — демиург новой русской культуры

Историк XIX века М. Погодин писал: «Мы просыпаемся. Какой нынче день? — 18 сентября 1840 года. Пётр Великий велел считать годы от Рождества Христова, Пётр Великий велел считать месяцы от января. Пора одеваться — наше платье сшито по фасону, данному первоначально Петром, мундир по его форме. Сукно выткано на фабрике, которую завёл он, шерсть настрижена с овец, которых развёл он. Попадаете на глаза книга — Пётр Великий ввёл в употребление этот шрифт и сам вырезал буквы. Вы начнёте читать её — этот язык при Петре сделался письменным, литературным, вытеснив прежний, церковный. Приносят вам газеты — Пётр Великий начал их издание. Вам нужно купить разные вещи — все они от шейного платка до сапожной подошвы будут напоминать вам о Петре Великом, одни выписаны им, другие введены им в употребление, улучшены, привезены на его корабле, в его гавань, по его каналу, по его дороге. За обедом, от солёных сельдей до картофеля, который сенатским указом указал он сеять, до виноградного вина, им разведённого, все блюда будут говорить вам о Петре Великом. После обеда вы едете в гости — это ассамблея Петра Великого. Встречаете там дам, допущенных до мужской компании по требованию Петра Великого. Пойдём в университет — первое светское училище учреждено Петром Великим... Мы не можем открыть своих глаз, не можем сдвинуться, не можем оборотиться ни в одну сторону без того, чтобы не встретился с нами Пётр, дома, на улице,

в церкви, в училище, в суде, в полку, на гулянье, всё он, всякий день, всякую минуту, на всяком шагу!»¹.

Ни об одном позднейшем правителе России нельзя сказать ничего подобного. Даже теперь, в XXI веке, мы не можем опровергнуть Погодина — во многом, в нашей необыкновенно изменившейся с 1840 г. жизни, мы до сих пор находим начала, истоки, причины, уводящие нас к Петру, истинному демиургу русского культурного существования.

Мне кажется, что название нашего конгресса совершенно точно отражает суть происшедшего почти 300 лет назад — многие явления культуры были именно инициированы Петром, они были привнесены им в русскую жизнь по его воле, по его инициативе. Более того, озирая всё, что он создал, учредил, изменил только за одну лишь четверть века, отмечая необыкновенную кучность, густоту привнесённых в русскую жизнь культурных новаций, мы не можем не признать, что, придя в мир, Пётр будто реализовывал некую, известную только ему, программу. Первым это заметил Чаадаев, писавший в «Апологии сумасшедшего»: «Наше громадное развитие есть только осуществление этой великолепной программы <...> Высокий ум этого необыкновенного человека безошибочно угадал, какова должна быть наша исходная точка на пути цивилизации и всемирного умственного движения».

Уже современники поражались, глядя на Петра, — внешне и внутренне он казался выходцем из другого мира, непривычным для традиционной России, кому-то он казался антихристом, кому-то — нерусским, иностранцем, а ныне кажется, что он был человеком из будущего. Между тем, культурные инициативы Петра были непосредственно связаны с тогдашней жизнью России и личным опытом Петра.

Во-первых, политическая судьба юного Петра была так драматична, даже трагична, она принесла ему столько страхов, разочарований и огорчений, что в культурной ориентации на Запад, в отрицании традиционной московской жизни он видел как собственное спасение, так и будущее вручённой ему Богом державы, скорейшее преодоление ею видимого всеми отставания. Он говорил, что легче новое строить, чем старое чинить, и действовал решительно, спрямляя русский путь в истории. Как выразительно писал там же Чаадаев,

¹ *Погодин М.Н.* Пётр Первый и национальное органическое развитие // Пётр Великий в русской литературе. Воспоминания. Оценки. Образ. СПб., 2009. С. 124–125.

«он хорошо понял, что <...> нам незачем задыхаться в нашей истории и незачем тащиться, подобно западным народам, чрез хаос национальных предрассудков, по узким тропинкам местных идей, по изрытым колеям туземной традиции, что мы должны свободным порывом наших внутренних сил, энергическим усилием национального сознания овладеть предназначенной нам судьбой. И вот он освободил нас от всех этих пережитков прошлого <...> он открыл наш ум всем великим и прекрасным идеям, которые существуют среди людей». Словом, культурные инициативы Петра были следствием его решительного отрицания культуры Московии, современной ему России с характерным для неё глубоким уважением к прошлому, отеческой старине, традициям, вере и стародедовским обычаям. Отсюда привычное для Петра постоянное принижение московского, старорусского начала, высмеивание его как рода дикости, суеверия, отсюда и его противопоставление старины и новизны, регулярного Петербурга и хаотичной Москвы, России и Запада.

Увы, это петровское негативное, ироничное отношение к древнерусскому культурному прошлому как малоценному, вторичному, непродуктивному закрепилось на два столетия в русском культурном менталитете, и только XX век вернул нам (с огромными потерями) непреходящую ценность древнерусского искусства, письменности и архитектуры, способствовал нашему более гармоничному культурному существованию с допетровской историей.

Во-вторых, все его начинания были проникнуты популярной в то время в Европе философией рационализма, были отражением распространенного тогда культа опытного знания, идей картезианства. Началами рационализма проникнуты петровские преобразования во многих областях русской культуры. Достаточно взглянуть на следы петровской реформы алфавита — все помнят по школьному учебнику ту памятную страничку, исчерканную резким пером Петра, — из всех многочисленных написаний букв русского алфавита он вычеркнул все те, которые были сложны, требовали усилий при их воспроизведении, и оставил лишь те, что были просты, удобны в повседневной жизни. Кажется, что правку эту делал человек рационального XX века. Внедряя эти принципы рационализма, точности, системности, он открыто противопоставлял их привычным для русских расхлябанности, безответственности, беспечности — тому, что он называл «московский авось и тотчас».

В-третьих, многие культурные инициативы Петра были окрашены его личными вкусами, пристрастиями — а он, как известно, был человек страстный, яростный. Известно, что его вечной любо-

вью, истинной страстью была Голландия. Им владела мечта создать на берегах Невы «второй Амстердам», построить на каналах город — копию Амстердама с его фахверками, шпилями, разводными мостами. Это отразилось на архитектурном облике Петербурга, жизни его обитателей. Да и в мелочах он хотел походить на голландского богатого бюргера, жить в уютных комнатах, с низкими потолками и кафельными простенками и печами, читать на досуге голландские газеты и покуривать голландскую трубочку. Порой кажется, что в этом увлечении Петра всем голландским не было меры. Известны патристические анекдоты, как Пётр сам себе тачал башмаки и в них ходил, но мы-то знаем, что на самом деле ему выписывали десятки пар сапог и башмаков из Голландии, как одежду и ткани — из Франции. Да порой кажется, что он не ел и не пил ничего русского. В 1712 г. он через посредников просил шведов пропустить в Петербург для него хотя бы один корабль с провизией из Голландии — так он тяжело страдал без голландской селёдки, без устриц, угрей, спаржи, а главное — без сыру — обожаемого им голландского сыру!

Всё это — и философия рационализма, и отношение к старине, и любовь к Голландии и сыру — развернуло Петра к Западу, к европейской культуре, европейской традиции, которые Пётр воспринимал как свои. При этом его восприятие не было слепым и бездумным. Как рационалист, прагматик и даже циник, он не идеализировал западную цивилизацию, он осмысленно, целеустремлённо, деловито отбирал в огромной лавке культурных ценностей Запада только то, что подходило для России. Выбирая для России новое государственное устройство, он аккуратно отрезал из взятого западного образца всё, что было связано с парламентаризмом; ему нравились газеты, он перенёс их вместе с печатными станами в Россию, но оставил на западном прилавке свободу печати. Ко многим западным законам и уставам он как бы привешивал дубинку или плётку, дополняя эти уставы и законы необходимыми для России угрозами и жестокими наказаниями в случае их неисполнения. Зная, что взятки в русской жизни неистребимы, он пытался окультурить это явление: жестоко преследуя взяточников, нарушавших закон, он ввёл западное понятие «акциденции», переводя его так: «от дел дозволенные доходы без нарушения закона». Всё это он называл «спускать с русским обычаем». А русский обычай для него был известен — неизменное самодержавие, этатизм, дирижизм в экономике, крепостничество в разных видах.

Слов нет, болезненно переживала Россия привнесённое Петром. Что-то из его культурных инициатив осталось только благими пожеланиями и засохло на корню, что-то исказилось в русском

контексте до неузнаваемости, но всё же многое естественным образом вошло в русскую жизнь, стало своим, нашим. Неровно шло усвоение западного культурного опыта, переваривание культурных новинок, не без потерь Россия пережила время ученичества и копирования, но после Петра всё чаще то в одной, то в другой сфере культурной жизни России стало появляться нечто оригинальное, то новое русское, что сочетало в неразрывной связи туземное и иноземное, своё и привнесённое. Преодолевая муки немоты, зазвучал по-новому русский глагол. Кстати, как считают лингвисты, то обстоятельство, что Пётр — в ходе своих культурных инициатив — допустил русских женщин в общество, колоссальным образом повлияло на становление русского разговорного языка. Так, женщинам приписывается употребление акающего произношения, сокращение согласных в сложных словосочетаниях, распространение французского прононса, а главное — почти полное выдавливание из русского разговорного языка неприсущих женщинам церковнославянского произношения и лексики.

В дальней же исторической перспективе Россия необыкновенно быстро усвоила петровские культурные инициативы. Значит, он угадал верно, значит, его культурная программа была своевременна для России. Кажется, что Ломоносов, человек следующего, послепетровского поколения, стал наиболее ярким воплощением успехов тех культурных начинаний Петра, которые были принесены им с Запада и усвоены в России, идёт ли речь о жизни, карьере, научной деятельности или о поэзии Ломоносова:

Шумит с ручьями бор и дол:
Победа, Росская победа!
Но враг, что от меча ушёл,
Бойтся собственного следа...

Нет, таким энергичным, новым, современным языком не смог бы говорить русский семнадцатый век, как бы мы его ни уважали. Словом, с Петром и его культурными инициативами наступила новая эра русской национальной и имперской культуры.